

EDN: PCZGGN
УДК 81.22

Quarantine Scenarios: Reflection of Non-Trivial Life Experience in Language and Discourse

Stanislav B. Beletskiy*^a and Dmitriy V. Soshnikov^{a, b}

^a*National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation*

^b*Moscow Aviation Institute
Moscow, Russian Federation*

Received 10.04.2024, received in revised form 17.11.2024, accepted 30.12.2024

Abstract. The purpose of this study is to describe the processes of meaning-making of the pandemic discourse based on the material of the corpus-collection of interviews with students about life in self-isolation in the spring of 2020. We develop a model for formalizing the non-trivial experience of life in quarantine and self-isolation through the analysis of communicative practices of its translation and macrounits of pandemic discourse: nodal points and semiotic scenarios reflecting the content of the linguocultural model QUARANTINE. The analysis of the actant-temporal structure of the events in which the QUARANTINE lexeme occurs allows us to present the concept behind it in the form of a binary cluster scenario linguocultural model. The model reflects two strategies for verbalizing the experience of living in quarantine: A) treating quarantine as a new normal and focusing on integrating it into one's way of life; B) Treating quarantine as a test and focusing on overcoming difficulties. Neural network analysis of the corpora of texts of the pre-COVID era and the corpus of interviews indicates that model A is typical for Russian linguistic culture and is found in everyday stories without a climax, while model B acts as its labeled opposition and is found in stories that have a narrative structure.

Keywords: quarantine, metaphor, representation, linguocultural model, pandemic, COVID-19.

This research paper is based on the results of the project ‘Speech Practices of Russian Society’, carried out as part of the HSE Basic Research Programme in 2023.

Research area: Linguistic Variantology, Applied Linguistics, Semiotics, Identity and Difference.

Citation: Beletskiy S. B., Soshnikov D. V. Quarantine Scenarios: Reflection of Non-Trivial Life Experience in Language and Discourse. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 119–131. EDN: PCZGGN

Сценарии карантина: отражение нетривиального жизненного опыта в языке и дискурсе

С.Б. Белецкий^а, Д.В. Сошников^{а,б}

^аНациональный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Москва

^бМосковский авиационный институт

Российская Федерация, Москва

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются процессы семиозиса пандемийного дискурса на материале корпуса-коллекции интервью студентов о жизни в условиях самоизоляции весной 2020 г. Предлагается модель формализации нетривиального опыта жизни в условиях карантина и самоизоляции через анализ коммуникативных практик его трансляции и макроединиц пандемийного дискурса: узловых точек и семиотических сценариев, отражающих содержание лингвокультурной модели КАРАНТИН. Анализ актантно-темпоральной структуры событий, в которых встречается лексема КАРАНТИН, позволяет представить стоящий за ней концепт в виде двоичной кластерной сценарной лингвокультурной модели. Модель отражает две стратегии вербализации опыта проживания карантина: А) отношение к карантину как к новой нормальности и ориентация на интеграцию его в свой жизненный уклад; Б) отношение к карантину как к испытанию и ориентация на преодоление сложностей. Нейросетевой анализ корпусов текстов доковидной эпохи и корпуса интервью свидетельствует о том, что модель А является типичной для русской лингвокультуры и встречается в бытовых рассказах без кульминации, в то время как модель Б выступает ее маркированным оппозитом и встречается в рассказах, имеющих нарративную основу.

Ключевые слова: карантин, метафора, репрезентация, лингвокультурная модель, пандемия, COVID-19.

В данной научной работе использованы результаты проекта «Речевые практики российского общества», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

Научная специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Белецкий С.Б., Сошников Д.В. Сценарии карантина: отражение нетривиального жизненного опыта в языке и дискурсе. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 119–131. EDN: PCZGGN

Введение в проблематику

Обширное поле исследований о связи языка и социума, к числу которых принадлежит настоящая работа, можно разделить

на три основных сектора: 1) течения, ориентированные на социологию; 2) течения, ориентированные на лингвистику; 3) течения, ориентированные на этнометодологию.

Первые два направления рассматривают социум как фактор, влияющий на язык, третье направление помещает в центр внимания взаимовлияние языка и социума, в частности процесс создания социальной реальности посредством коммуникации (Susov, 1999: 51). Этнометодологическая трактовка объекта социолингвистики представляется нам наиболее адекватной для выполнения задач исследования речевых практик современного российского общества, особенно тех из них, которые сложились недавно, но успели войти в фонд знаний общества о значимых формах коммуникации (нем. *kommunikativer Haushalt einer Gesellschaft* (Luckmann, 1988). Речь идет в первую очередь о коммуникативных практиках периода пандемии COVID-19.

Актуальность изучения речевых практик периодов эпидемий и пандемий и вызванных ими системных кризисов во всех сферах общества обусловлена, с одной стороны, их цикличностью: «Эпидемии сопровождали человечество на протяжении всей его истории. Чума, холера, оспа, корь, дифтерия, скарлатина, полиомиелит, брюшной и сыпной тиф, гонконгский грипп, азиатский грипп, птичий грипп (H5N 1), свиной грипп (H1N 1), ближневосточный респираторный синдром (MERS), желтая лихорадка, вирус Эбола, атипичная пневмония SARS, наконец, коронавирус COVID-19, SARS-CoV-2 – далеко не полный список инфекционных заболеваний, унесших миллионы человеческих жизней» (COVID-19 и поведение человека, 2022: 5), а с другой стороны, пониманием того, что в условиях глобальной эпидемии коммуникация выступает важным фактором управления процессами динамического хаоса: «В условиях пандемического кризиса обострилась необходимость всестороннего взгляда на коммуникационную среду, на контексты, политику, цели, проблемы, которые формируют коммуникацию, а также меняющиеся ожидания граждан и заинтересованных сторон» (Vogatyreva, 2021: 16). Новизна исследования заключается в обращении к материалу устного дискурса и в выявлении коммуникатив-

ных практик вербализации опыта жизни в условиях пандемии.

Концептуальная основа исследования

В собранном нами материале устного дискурса зафиксирован опыт первого, феноменологического (без фонового знания о предмете) осмысления реалий эпохи пандемии COVID-19, который с точки зрения социологии знаний следует признать нетривиальным.

Центральным тезисом социологии знаний, разработанной П. Бергером и Т. Лукманом (Berger, Luckman, 1995), является представление о том, что знания помогают решать проблемы. Процессы потребления, применения и порождения знаний конструируют социальную реальность, представляющую собой череду проблем. Обыденная реальность воспринимается нами как само собой разумеющаяся, так как мы обладаем набором знаний, который превращает ее проблемы в «непроблематичные» проблемы (вождение автомобиля, например, перестает быть проблемой после того, как получаешь соответствующий запас знаний и умений). Обыденная реальность – это интерсубъективная реальность, при ее конструировании люди применяют одни и те же знания (например, все знают, как здороваться), поэтому она ясна и понятна всем. Есть и другие реальности, менее или вовсе не интерсубъективные (сон, творчество, личное бессознательное и т.п.). Они конструируются конечным набором знаний и могут быть поняты посредством их (языковой) интерпретации значениями повседневного (разделяемого с другими) знания (например, описание сна как рассказ о нем). В этих необыденных реальностях человек не располагает заранее знакомым инструментом решения возникающих в них проблем, т.е. не обладает готовым знанием. Решая такие нетривиальные проблемы, он приобретает соответствующий опыт, включающий в себя опытное знание, которое он может транслировать в обыденную реальность через описание проблемной ситуации в целом (опыт как таковой) или в чистом виде как осажденное (осажденное) знание.

Постановка проблемы

Целью настоящего исследования является описание процессов смыслообразования пандемийного дискурса на материале корпуса-коллекции интервью студентов о жизни в условиях самоизоляции весной 2020 г., собранных участниками спецкурса (майнора) «Структура и функции рассказа» (всего 85 интервью общим объемом 111 000 словоупотреблений). В материале зафиксирован нетривиальный опыт жизни в условиях новой реальности – пандемии, карантина и самоизоляции, поэтому особый интерес представляют стратегии вербализации новых на тот момент концептов, или, как их называют авторы коллективной монографии «Русский язык коронавирусной эпохи» (2021), ключевых слов. В данный список включаются наиболее частотные и продуктивные слова и стоящие за ними концепты: карантин, (само)изоляция, (корона)вирус, маска, ковид (COVID), вирус, дистанционка, перчатки, зум (zoom), корона и др. Наиболее частотной в нашем корпусе является лексема КАРАНТИН (372 вхождения), для которой мы разрабатываем лингвокультурную модель путем анализа (метафорических) контекстов ее употребления.

Методология

Для анализа знаниевой составляющей собранных нами данных мы пользуемся концепцией лингвокультурной модели (ЛКМ), которую М.Б. Бергельсон определяет следующим образом: «ЛКМ – это квант социокультурного знания со своей предметной областью. ЛКМ занимают промежуточное положение на шкале универсальности знаний между максимально индивидуализированными знаниями, составляющими уникальный личный опыт субъекта и максимально общими, универсальными знаниями, которыми обладает Homo sapiens (последние обычно не оспариваются, и их не интересно обсуждать). ЛКМ достаточно гибки в том смысле, что, будучи общими для некоторого множества людей, они могут пополняться, уточняться новой информацией. Многие из них, пожалуй, за исключением наиболее общего

для данной лингвокультуры конгломерата представлений, называемых «языковой картиной мира», нуждаются в коммуникативном подкреплении. <...> Принципиальным для ЛКМ является различие внутри нее сценариев поведения (Поход в театр) и сценариев дискурсивного поведения (Разговор о театре). То, какие именно элементы поведенческого сценария профилируются (=получают прагматически значимое выделение) в дискурсивном сценарии, составляет социокультурную специфику данного дискурсивного сообщества» (Bergelson, 2007: 38).

Иными словами, ЛКМ – это один из способов представления знаний, циркулирующих в дискурсе: сведений, фактов, понятий, представлений и т.п., которые актуализируются, передаются и/или интерактивно конструируются участниками общения. По отношению к общеизвестным знаниям (компонентам языковой картины мира), являющимся базовыми константами коммуникации, они выступают периферийными репрезентациями прототипических и околопрототипических (кластерных) категорий, или идеализированных когнитивных моделей (Lakoff, 2004: 188). Непрототипические репрезентации являются маркированными членами пары ядро-периферия и получают в дискурсе прагматическое выделение. Следовательно, задача изучения речевых практик передачи опыта и опытного знания заключается в описании ЛКМ, стоящих за реалиями пандемийной эпохи, на основе анализа их прагматических (оценочных) признаков. Поясним сказанное на примере 1.

Пример 1. Эпопея

И: <FPP>А ты можешь рассказать пожалуйста побольше про саму болезнь что-нибудь кратко? </FPP>

Р: <SPP><ABS> Ну на самом деле она меня не коснулась. Я столкнулась с другой эпопеей, </ABS>

<ORNT><ME> так как в период пандемии(.)и вообще изоляции было очень сложно ездить к врачам в больницы, это постоянная волокита с перчатками,

масками, бахилами, записью к врачу, просто огромными просьбами принять и просто организовать прием </ME></ORNT>

<TE> *и у меня молодой человек заболел.* </TE>

<CA> *Мы ездили к разным врачам, пытались записаться огромное количество раз, иногда не совсем удачно, втихоря ездили обследовались, но в итоге особо не выяснили что с ним случилось, но при этом и конечно же каждый раз сдавали тест на коронавирус которая была отрицательным,* </CA>

В первой части смежной пары (FPP) интервьюер просит рассказчицу поделиться историей о болезни, тем самым формулируя запрос на экспликацию ЛКМ БОЛЕЗНЬ. Во второй части смежной пары (SPP) рассказчица соглашается, замечая, что расскажет о периферийном случае – о чужой болезни, которую она профилирует (выделяет прагматически) гиперболой «эпопея», тем самым посылая собеседнице квант знания «болезнь – это эпопея».

На этапе ориентации (ORNT) рассказчица вводит слушательницу в мир рассказа перечислением, как ей кажется, банальных, известных всем обстоятельств (ME), на фоне которых будет разворачиваться дальнейшая (небанальная) история. Здесь можно наблюдать «поломку» и отладку такого сценария поведения, как «поход в больницу»: в то время как последовательность действий сохраняется (записаться на прием заранее, прийти в больницу, посетить врача), степень их выполнимости меняется – каждый шаг сценария дается актору с большим трудом, что, однако, в логике пандемийной реальности стало нормой, поскольку включено в совокупность банальных событий, предвещающих рассказ (в канонический скрипт).

Далее следует завязка (TE), которой рассказчица создает интригу и вместе с тем переходит от описания обыденного опыта к трансферу нетривиального знания – рецепту решения проблемы: что делать, если

заболел близкий человек. Развивая сюжет, она перечисляет действия, которые необходимо предпринять в условиях, когда привычный сценарий посещения врача не работает (CA). Прагматически выделены следующие кванты знания:

- *ездить необходимо к разным врачам;*
- *нужно проявлять настойчивость (огромное количество раз);*
- *нужно нарушать запрет на выход из дома (втихоря ездили);*
- *нужно следовать формальным правилам поведения (конечно же каждый раз сдавали тест на коронавирус).*

Анализ контекста лексемы «болезнь» в данном отрывке позволяет реконструировать соответствующую ЛКМ, детерминирующую понимание как сути этой реалии («болезнь – это эпопея»), так и связанных с ней поведенческих сценариев в норме (до пандемии) и в «патологии» (в новых условиях). Вопрос об интеграции сценариев в ЛКМ решается путем переопределения ЛКМ как сценария, под которым мы вслед за Дж. Лакофом будем понимать «когнитивную структуру, в самом общем виде состоящую из следующих элементов: начальное состояние, последовательность событий, конечное состояние, структурированную по линии времени и включающую в себя людей, вещи, признаки, отношения и пропозиции» (Kuznetsova, 2018: 32). Иными словами, ЛКМ – это актантно-темпоральная структура события или концепта, который на достаточно большом материале можно «развернуть» как событие (например, концепт ГНЕВ как процесс гневания у Дж. Лакоффа).

Полученные нами выводы справедливы для индивидуального случая, но не в масштабах всей выборки. Для построения ЛКМ на дискурсивном уровне следует прибегнуть к корпусным методам исследования – анализу множественных контекстов узловых точек пандемийного дискурса, выявленных в работе (Beletskiy et al., 2022), – выявлению присущих им схем вербализации (Chafe, 1983) с опорой на инвентарь семантических ролей, приня-

тый в традиции Московской семантической школы (Lyashevskaya, Kashkin, 2015). Иными словами, работая с эмпирическим материалом, мы выявляем в нем повторяющиеся актантные структуры и упорядочиваем их хронологически.

Результаты исследования

Наиболее частотная узловая точка в нашем корпусе – лексема «карантин». Она встречается 372 раза. Контент-анализ контекстов употребления данной лексемы (рис. 1) позволил выделить 14 разновидностей ЛКМ КАРАНТИН. Однако прежде чем перейти к описанию данных вариантов, раскроем их инвариант – идеализированную когнитивную модель, зафиксированную в определении термина, предлагаемого словарем русского языка под редакцией С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой:

«**карантин**, -а, м. 1. Временная изоляция заразных больных, а также лиц, соприкасавшихся с такими больными. 2. Пункт санитарного осмотра прибывших из местности, поражённой эпидемией. 3. карантин растений – специальная служба, контролирующая провоз через границу растений,

плодов, семян. || прил. карантинный, -ая, -ое. К. пункт. К. врач. К. пограничный до-смотр» (Ожегов/Шведова, 1990: 267).

В приведенных словарных дефинициях первую следует признать прототипической, вторую и третью – центральными, или типичными.

Наиболее близок к первому определению вариант ЛКМ «Карантин – это временная изоляция», актантная структура которого представлена глаголами перемещения, а участники – ролями пациента (отведена человеку) и направления (пункт осмотра). Данная модель лежит в основе ряда как прямых, так и косвенных определений карантина, например:

а) сначала нужно было пройти карантин а потом уже благополучно заехать в общежитие;

б) в Элисте закрыли всех на К;

в) вас отправляют на К;

г) Это было довольно неожиданно, такой переход на К;

д) всю страну опять посадили на К / нас посадили в вузе на К окончательно;

е) прям когда нас на карантин кинули;

ж) После того как мы ушли в марте на карантин.

The screenshot shows the KWIC Concordance tool interface. At the top, there is a search bar with the word 'карантин' entered. Below the search bar, there are options for POS (N), Conj, and Additional Options. The search results are displayed in a table-like format with columns for the word and its context. The concordance lines are numbered and show the word 'карантин' in blue. The text is in Russian and discusses various aspects of quarantine, such as starting quarantine, closing quarantine, and the impact of quarantine on people's lives.

Рис. 1. Конкорданции лексемы «карантин» в KH Coder
Fig. 1. Concordances of the lexeme «quarantine» in KH Coder

Следующий по близости к прототипу вариант ЛКМ «Карантин – это мера безопасности (декрет)». Он реализован глаголами воли и речи, участниками в ролях пациента и инсептива. Данная модель используется для вербализации момента начала карантина, например:

а) *после того как ввели К, я хотел остаться в Москве;*

б) *как только объявили К и самоизоляцию / когда наш президент объявил самоизоляцию и К;*

в) *когда К сняли;*

г) *соблюдать строгий К*

Остальные варианты ЛКМ КАРАНТИН следует рассматривать как прагматически обусловленные расширения конвенциональных разновидностей.

ЛКМ «Карантин – это стихия» реализована глаголами существования, природного явления и ролями пациента и эффектора. По данной модели вербализуется метафора карантина как форс-мажора, перед которым человек бессилён. Примеры:

а) *Нуу было сложно чем то заняться, потому что был страх выходить на улицу и мы с моим другом (.) не буду говорить с кем (.) решили переждать карантин дома.*

б) *в Барнауле К наступил на две недели позже, чем в Москве;*

в) *когда К только начался / у меня в университете К начался с 17 марта / второй начался после летних каникул;*

г) *К проходил / прошел не скучно / без проблем / продуктивно / нормально;*

д) *К (не) ушел (до сих пор);*

е) *потом К закончился, я сдал ЕГЭ и все;*

ж) *уже тогда поднимались темы о том что может перейти карантин с Китая в Россию*

ЛКМ «Карантин – это отдых» включает в себя глаголы поведения человека и участников: агент и ресурс. По данной модели строятся высказывания о восприятии карантина как возможности заняться любимыми или необходимыми занятиями. Примеры:

а) *пришло сообщение о том, что будет карантин пришло как раз таки когда мы*

ехали вроде в электричке. И мы очень радовались, и мы сразу же стали планировать чем мы щас будем отдыхать;

б) *в итоге и все перестали бояться и делали че хотели, но первое время мы (.) играли (.) в комп в казочку катали;*

в) *Ну. сначала когда в марте начался.. карантин. все подумали что ну класс. выходные две недели;*

г) *С другой стороны я стала //.. // больше времени проводить с родственниками, освоила новые навыки, ну //.. // и в принципе я не скучала на карантине*

ЛКМ «Карантин – это амбивалентный даритель» включает в себя глаголы посессивной сферы и участников: ассистив и бенефактив / малефактив. Данный вариант вводит в дискурс рефлексию по поводу возможностей, которые карантин предоставил или отнял. Например:

а) *Ну а дальше карантин после этой сессии вроде как пошел на спад, и ну особо ужасней, ужасностей, ужасов карантина больше никаких не переживал, и очень надеюсь, что не переживу;*

б) *вырезал как-то много времени из жизни;*

в) *оказался спасательным кругом / К очень помог всем студентам / Был спасательным для многих студентов / К помог немного осознать себя;*

г) *Амм (..) так же карантин дал, можно сказать, сбитый режим;*

д) *пошел на пользу;*

е) *А-а ... в целом карантин пошёл (.) неплохо ... а-а очень насыщено, я бы сказала;*

ж) *Хоть и этот карантин положительно отразился на нашей семье, (.) тем не менее я понимаю какие ужасные последствия были у всего этого и у-у этой болезни;*

з) *А что-то помимо негатива тебе принёс карантин?*

ЛКМ «Карантин – пугающая неизвестность» строится вокруг глаголов ментальной сферы, эмоций и включает в себя участников: экспериенцер и стимул. В этой модели человек предстает пассивным объектом воздействия карантина. Примеры:

а) *... Ии я не понимал самое = = я не знал таких слов как самоизоляция карантин /, (..)*

но я понимал, просто вот, началось. ... Или следующие месяцы прошли так, как я в начале первого курса вообще не мог предполагать.

б) Мой карантин начался с какого-то, такого (...) даже непонимания сути проблем, что вообще в мире происходит?

в) а потом 16 марта закрывают на карантин .. начинается просто такая сильная паника ... ну я никогда не сталкивалась вот с такой сильной паникой, когда все настолько переживают / вот.

ЛКМ «Карантин – период времени» включает в себя глаголы существования и роли: агенс и срок. Такая когнитивная структура используется для экспликации восприятия карантина как промежутка времени. Примеры:

а) Вот и в принципе весь карантин, вот, то есть до конца июня, когда мы уже сдали экзамены, мы жили в этой квартире, и в принципе никуда не выезжали;

б) даже в К они работают / в К все залы закрылись / ты что-то освоила за К?;

в) я разделяю К на несколько этапов;

г) во время К я попробовал себя в кулинарном искусстве;

д) А научилась ли ты (.) чему-то новому (.) за карантин?

ЛКМ «Карантин – факт биографии» включает в себя глаголы изменения состояния или признака, а также роли посессора и момента. Данная структура описывает карантин как период личной истории. Примеры:

а) Уже знали о карантине, то что нас закроют на две недели, вот, или (..) а и я ещё до этого заболел, у меня там проблемы были (..) я уж (..) для меня карантин короче начался на две недели раньше, не знаю зачем вам это знать {улыбается};

б) расскажи / поговорим про свой / твой К;

в) проводить свой К / как начался твой К;

г) Наверное, одно из самых ярких событий за мой карантин {смеется};

д) Скажи, ты мог бы рассказать мне о том как ты провёл время в свой карантин прошлой весной?

ЛКМ «Карантин – повод для рефлексии» строится вокруг глаголов ментальной/

психической сферы с вовлечением субъекта ментального/психологического состояния и стимула. В этой модели карантин побуждает человека к рефлексии. Примеры:

а) На самом деле конечно успели и перессориться за это время кучу раз, но давно не было таких вот семейных вечеров, все же этот карантин реально дал нам многое переосмыслить, там, ценности поменялись слегка;

б) карантин также дал по = к = лэээ {смеется} карантин также дал понять (..) что (...) мм (...) возможно (..) не все близкие люди по-настоящему близкие; в) вот этот карантин / – это был повод задуматься / время для саморазвития;

г) Этот карантин, скажем так, кого-то объединил, кого-то разругал и в любом случае, я бы сказал, что всё к лучшему.

ЛКМ «Карантин – мир НЕ» включает в себя глаголы поведения человека и участников: агенс и причина. Данная структура используется для рассказа о том, почему человек не совершает каких-либо действий. Примеры:

а) Все застаивается. Ты-ы-ы не ходишь на улицу, не общаешься с людьми, ты просто начинаешь быть антисоциальным (.) и все. / Ты общаешься только по интернету, ты пишешь (.) ты даже можешь не разговаривать целыми днями (..) И что? Еще пары ... л ... ле (..) лет. Это может продлиться следующие пару лет и что? Люди начнут = все, они просто начнут забывать язык (.) Просто начнут забывать как разговаривать, но зато будут уметь печатать;

б) ты н-н-не прешь = никуда не идешь в-в-в холод, в снег, в дождь, / все хорошо, ты сухой, умытый и одетый, но при этом что: ты почти не двигаешься;

в) Но вот у меня было (.) сначала очень непонятное расписание там где я три раза ходила.

ЛКМ «Карантин – урок/испытание» строится вокруг глаголов изменения состояния или признака, физического воздействия с участием агенса и причины. С помощью данной структуры вербализуется восприятие карантина как испытания. Примеры:

а) Второе, чему я научился это ... а стараться (...) максимально позитивно относиться к тому, что происходит / . А также научился ... пользоваться такими программами как Zoom, MS Teams и вот подобными программами;

б) единственной целью и светом в конце тоннеля было то что. когда-нибудь это закончится и когда-нибудь я смогу. допустим (...) поехать на дачу. или увидеть друзей. и только это мне кажется давало сил (...) каких-то душевных вообще выживать;

в) В марте этого года начался карантин и я взял и сломал ногу, так как играю в футбольной команде на профессиональном уровне и получил вот такую травму – перелом пятой плюсневой кости¹.

ЛКМ «Карантин – (не) новый образ жизни» включает в себя глаголы поведения человека и роли: агентс и причина. Данная модель применяется для оценки изменений образа жизни или их отсутствия. Примеры:

а) Проводила его как все: сидела дома, нигде не выходила;

б) Как бы карантин карантином но-о (.) жизнь проходит мимо тебя. Зато-о {смех} есть время на ремонты например, да?;

в) Карантин это не новый метод выживания (.) не новый способ выжить. Надо срочно возвращаться ко всему-у (.), что было до этого и жить нормальной, полноценной, а не виртуальной (.);

г) до этого мой образ жизни в карантин и до карантина не очень сильно отличался;

д) Честно говоря я не думаю (.) Конечно теперь без маски просто на улице я не выйду нигде это уже как образ жизни постоянно везде носить маску и перчатки вот.

Упорядочение перечисленных вариантов ЛКМ по временной оси «начало-середина-конец» обнаруживает бинарный характер их распределения и позволяет представить стоящий за ними концепт в виде двоичной кластерной сценарной модели, представленной в табл. 1.

Модель отражает две стратегии вербализации опыта проживания карантина: А) отношение к карантину как к новой нормальности и ориентация на интеграцию его в свой жизненный уклад; Б) отношение к карантину как к испытанию и ориентация на преодоление вызванных им сложностей. Можно предположить, что субмодель А извлекается из хабитуальных рассказов, построенных вокруг актуализации канонического скрипта, не содержащего ни зачина, ни кульминации, ни развязки, а субмодель Б реконструируется из рассказов о личном опыте, построенных вокруг нетривиального события, представляющего собой испытание (что следует из анализа кульминационных событий, например: *пришлось тратить деньги и искать, где можно арендовать мощный компьютер; появление эмоционального выгорания; стала затворницей*). Иными словами, замысел – наличие или отсутствие кульминации – предопределяет набор пропозиционных схем, что согласуется с представлением о том, что вербализация опыта не является достоверным свидетельством или фактом истории, она всегда носит творческий характер, поскольку респондент на этапе планирования речи выбирает наиболее подходящие замыслу пропозиционные схемы, последовательность которых в некоторой степени предопределена или, по крайней мере, зависит не только и не столько от фактов прошлого, но и от сценарных характеристик нарратива (Chafe, 1983).

Выявленные нами субмодели строятся вокруг наличия или отсутствия кульминации в рассказе. Если рассказчик не находит в своем опыте ничего нетривиального, то для него карантин начинается с момента объявления декрета (1), вызванного форс-мажором (2а), который он использует как возможность отдохнуть (3а), (не) меняя свой образ жизни (4а). Ретроспективно карантин воспринимается как отрезок исторического времени (5а), по завершении которого респондент дает ему свою оценку (6а). Если рассказчик находит нечто нетривиальное в своем опыте, он выбирает другую цепочку пропозиционных схем: карантин

¹ В данном примере именно карантин, а не травма рассматривается как урок/испытание, поскольку далее респондент рассказывает о том, как режим самонезависимости усугубил травму.

Таблица 1. Кластерная сценарная модель КАРАНТИН
Table 1. Cluster scenario model QUARANTINE

0. Карантин – это временная изоляция. [Перемещение: Пациент + Направление]	1. Карантин – мера безопасности (декрет). [Воля<->Речь: Пациент + Инсептив]
Субмодель А (хабитуальная) «Главное спокойствие»	Субмодель Б (нарративная) «Путь героя»
2а. Карантин – это стихия (форс-мажор). [Начало существования, существование, прекращение существования -> природное явление: Пациент + Эффектор]	2б. Карантин – пугающая неизвестность. [Ментальная сфера, эмоция: Экспериментер + Стимул]
3а. Карантин – это отдых. [Поведение человека: Агент + Ресурс]	3б. Карантин – урок/испытание. [Изменение состояния или признака, физическое воздействие: Агент + Причина]
4б. Карантин – (не) новый образ жизни. [Поведение человека: Агент + Причина]	4б. Карантин – это амбивалентный даритель. [Посессивная сфера: Ассистив + Бенефактив/Малефактив]
5а. Карантин – период времени. [Существование: Агент + Срок]	5б. Карантин – факт биографии. [Изменение состояния или признака: Посессор + Момент]
6а. Карантин – повод для рефлексии. [Ментальная/ психическая сфера: Субъект ментального/ психологического состояния + Стимул]	6б. Карантин – мир НЕ. [Поведение человека: Агент + Причина]

начинается с момента объявления декрета (1) и нарушает его привычный образ жизни (2б), создает трудности (3б), решение которых сопряжено с положительными или отрицательными последствиями (4б). Ретроспективно карантин воспринимается как факт биографии (5б), осмысление которого заставляет респондента пересмотреть свою привычную картину мира (6б).

Обсуждение и выводы

Стратегия вербализации опыта свидетельствует о том, в какой мере карантин повлиял на жизнь рассказчика: в случае А влияние было незначительным, в случае Б карантин воспринимается как фактор личной истории. Можно предположить, что в допандемийных данных мы обнаружим ЛКМ типа А. Для проверки этого предположения мы исследуем дистрибутивную семантику ключевых слов пандемийного дискурса в доковидном (выборка из НКРЯ) и ковидном (наши данные) корпусах с помощью нейросетевых моделей векторного представления слов Word2Vec (Mikolov et al., 2013). Данные модели позволяют представлять слова в виде числовых векторов

и вычислять семантическую близость (степень совпадения контекстов) для сопоставляемых лексем, выраженную в косинусном расстоянии (от нуля при полном несовпадении контекстов до единицы при их полном совпадении). Данный метод позволит нам обнаружить изменения в распределении ассоциатов ключевых слов пандемийного дискурса.

В качестве исходной мы использовали модель `ruscorpora_upros_cbow_300_20_2019` (Rusvectors a, www), которая была обучена с помощью алгоритма непрерывного мешка слов для создания векторов размерностью 300 из НКРЯ объемом 270 млн слов. В результате были получены списки ассоциатов для некоторых ключевых слов пандемийного дискурса на текстовом материале доковидной эпохи. Первые 10 строк списка представлены в табл. 2.

Далее мы создали собственную модель Word2Vec по методу (Rehurek, Sojka, 2010) на данных корпуса интервью о жизни в условиях карантина и самоизоляции (Beletskiy et al., 2022), включающего в себя два подкорпуса, собранных в 2020 и 2021 гг. Статистика корпуса представлена в табл. 3.

Таблица 2. Наиболее близкие ассоциаты ключевых слов пандемийного дискурса, полученные на материале НКРЯ с помощью модели Word2Vec

Table 2. The closest associates of key words of pandemic discourse, obtained from the NCREP using the Word2Vec model

Эпидемия	Самоизоляция	Вирус	Карантин	Депрессия	Каникулы
холера	конфронтация	штамм	карантинный	стресс	вакация
чума	маргинализация	вирусный	карантина	ступор	каникул
пандемия	фундаментализм	вирус	карантить	эйфория	вакации
эпизоотия	изоляциянизм	подтип	карантень	депрессивный	каникулярный
эпизоотие	авторитаризм	инфекция	карантен	синдром	семестр
эпидемический	глобализация	аденовирус	гошпиталь	кризис	отпуск
холерный	запад	вкэ	карантитывать	ремиссия	лето
поветрие	тоталитаризм	вич	зараза	тоскливость	вакационный
малярия	глобализм	антигенный	чумный	запой	выходной
дифтерия	дестабилизация	вгс	холера	меланхолия	осень

Таблица 3. Статистика корпуса

Table 3. Corpus statistics

Подкорпус	Строки	Токены
2020	1437	72883
2021	5805	234070
Всего	7242	306953

Тексты были предобработаны: из них были удалены тэги дискурсивной размет-

ки, проведена лемматизация, произведена разметка по частям речи в соответствии с методикой (Rusvectors b, www). Из-за сравнительно небольшого объема корпуса была выбрана небольшая размерность вектора – 32. Модель была обучена на 100 эпохах. В результате был получен список ассоциатов для некоторых ключевых слов пандемийного дискурса на материале текстов корпуса интервью о жизни в условиях карантина и самоизоляции (табл. 4).

Таблица 4. Наиболее близкие ассоциаты ключевых слов пандемийного дискурса, полученные с помощью модели Word2Vec на материале корпуса интервью о жизни в условиях карантина и самоизоляции

Table 4. The closest associates of key words of pandemic discourse obtained using the Word2Vec model based on the material of the interview corpus about life in quarantine and self-isolation

Эпидемия	Самоизоляция	Вирус	Карантин	Депрессия	Каникулы
дальнейший	изоляция	коронавирус	самоизоляция	некий	сессия
изоляция	карантин	болезнь	учеба	ерунда	летний
covid	пандемия	пандемия	локдаун	неудобство	ночевка
ход	локдаун	ковид	дистанционка	открытие	зимний
пандемий	рассказывать	последствие	пандемия	признак	полтора
ковид	карантинный	опасаться	изоляция	успеваемость	дистант
карантинный	учеба	мир	дистант	взгляд	осень
непростой	дистанционка	опасность	дистант	степень	карантин
коронавирус	коронавирус	переживать	время	мозг	остаток
человечество	твой	коронавирусый	каникулы	нагрузка	весна

Таблица 5. Семантическая близость ключевых слов пандемийного дискурса в корпусе доковидной эпохи и в корпусе интервью о жизни в условиях карантина и самоизоляции

Table 5. Semantic proximity of key words of pandemic discourse in the corpus of the pre-Covidian era and in the corpus of interviews about life in quarantine and self-isolation

№	word 1	word 2	pre-COVID	COVID	Δ
1	вирус	депрессия	0.81	0.95	0.14
2	коронавирус	депрессия	-	1.00	-
3	изоляция	депрессия	0.77	0.86	0.09
4	самоизоляция	депрессия	0.63	0.98	0.35
5	карантин	отдых	0.89	0.87	-0.02
6	вирус	каникулы	0.98	0.98	0
7	одиночество	пандемия	0.92	0.89	-0.03

Для вычисления семантических расстояний между парами ключевых слов их вектора должны быть одинакового размера, поэтому мы инициализировали новую модель Word2Vec с размерностью 300, составили для нее словарь на основе корпуса интервью о жизни в условиях карантина и самоизоляции и объединили его со словарем исходной предобученной модели. Затем мы обучили комбинированную модель на данных нашего корпуса, после чего смогли вычислить семантическое расстояние между парами ключевых слов. В табл. 5 приведены результаты для наиболее частотных ключевых слов (word 1) и их ближайших ассоциатов (word 2) в допандемийном корпусе (pre-COVID) и в корпусе интервью о жизни в условиях карантина и самоизоляции (COVID).

Данные таблицы свидетельствуют о том, что семантическая близость увеличилась в парах лексем № 1, 3, 4, уменьшилась

в парах лексем № 5, 7, не изменилась в паре № 6 и не может быть оценена в динамике для пары № 2 в силу отсутствия слова «коронавирус» в доковидном корпусе. Изменение косинусного расстояния для пар лексем № 3 и 4 может свидетельствовать об изменении типа контекстуальных семантических отношений между ними: из причинно-следственных в синонимические. Высокое значение данного показателя для пар № 1, 5, 6, 7 может свидетельствовать о контекстной синонимии членов данных пар лексем в обоих корпусах. Практически неизменные и высокие показатели косинусного расстояния для пар «карантин-отдых» и «вирус-каникулы» можно рассматривать как подтверждение выдвинутого ранее предположения о том, что ЛКМ «Карантин – это отдых», следует признать типичной репрезентацией инварианта, а субмодель *A* – немаркированным, базовым для русской лингвокультуры сценарием карантина.

Список литературы / References

Beletskiy S. B., Avtaeva D. N., Kuzmicheva P. A., Chudinova S. B. Uzlovye i periferijnye točki pandemijnogo diskursa: paradigmatika i sintagmatika [Nodal and Peripheral Points of Pandemic Discourse: Paradigmatics and Syntagmatics]. In: *Journal of the Siberian Federal University. Humanities*, 2022, 15(11), 1655–1679.

Bergelson M. B. Sociokul'turnaja motivirovannost' narrativov. Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii [Socio-Cultural Motivation of Narratives. Computational Linguistics and Intelligent Technologies]. In: *Proceedings of the International Conference "Dialogue 2007"*. Moscow: RSUH, 2007, 38–43.

Berger P., Luckman T. *Social'noe konstruirovanie real'nosti [The Social Construction of Reality. Treatise on the Sociology of Knowledge]*. Moscow: Medium. 1995

Bogatyeva T.G. Zarubezhnyj opyt kommunikacii publicnogo sektora v uslovijah COVID-19 [Foreign experience of public sector communication in the context of COVID-19]. In: *Communicology*, 2021, 9(1), 15–28.

Chafe W. Pamjat' i verbalizacija proshlogo opyta [Memory and verbalization of past experiences]. In: *New in Foreign Linguistics*, 12, Moscow: Raduga. 1983

COVID-19 i povedenie cheloveka: stress, mify i social'naja real'nost': koll. monografija [COVID-19 and Human Behavior: Stress, Myths and Social Reality: Monograph]. Ed. V.N. Burkova, M.L. Butovskaya, Moscow, St. Petersburg: Nestor-History. 2022

Kutuzov A., Kuzmenko E. WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. In: *Ignatov, D., et al. Analysis of Images, Social Networks and Texts*. AIST 2016. Communications in Computer and Information Science, 2017, 661. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52920-2_15

Kuznetsova Y.M. Scenarnyj podhod k analizu tekstov [Scenario Approach to Text Analysis]. In: *Proceedings of ISA RAS*, 2018, 1(68), 31–41.

Lakoff J. *Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi: Chto kategorii jazyka govoryat nam o myshlenii [Women, Fire, and Dangerous Things: What the Categories of Language Tell Us About Thinking]* / translated from English by I. B. Shatunovsky. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 2004

Luckmann Thomas. Kommunikative Gattungen im kommunikativen „Haushalt“ einer Gesellschaft. In: *Smolka-Koerdt, Gisela/Spangenberg, Peter/Tillmann-Bartylla, Dagmar (Hg.): Der Ursprung von Literatur: Medien, Rollen, Kommunikationssituationen zwischen 1450 und 1650 (= Materialität der Zeichen 1)*. München, 1988, 279–288.

Lyashevskaya O., Kashkin E. FrameBank: A Database of Russian Lexical Constructions. In: *Analysis of Images, Social Networks and Texts. 4th International Conference*, AIST 2015, Yekaterinburg, Russia, April 9–11, 2015, Revised Selected Papers, Springer International Publishing, 2015, 350–360.

Mikolov T., Chen K., Corrado G. S. & Dean J. Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. In: *International Conference on Learning Representations*. 2013

Nacional'nyj korpus russkogo jazyk. URL: <https://ruscorpora.ru>. Accessed: 2024.10.05.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. *Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of Russian]* / 22nd ed., stereotyped. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian language. 1990

Rehurek Radim, Sojka Petr. Software Framework for Topic Modelling with Large Corpora. In: *Proceedings of the LREC 2010 Workshop on New Challenges for NLP Frameworks*, Valletta, Malta, May, ELRA, 2010, 45–50. <http://is.muni.cz/publication/884893/en>.

Russkij jazyk koronavirusnoj epohi. Kollektivnaja monografija [The Russian Language of the Coronavirus Era. Collective monograph]. Authors: T.N. Buttseva, H. Walter, I.T. Vepreva, R.I. Vorontsov, E.N. Heckina, E.C. Gromenko, I.B. Dyagileva, V.A. Efremov, A.V. Selenin, N.V. Kozlovskaya, V.A. Kozyrev, M.A. Krongauz, N.A. Kupina, T.V. Kuprina, C.D. Levina, E.V. Marinova, Z.I. Mineeva, Y. Miturska-Boyanovska, V.M. Mokienko, I.V. Nechaeva, A.C. Pavlova, D.K. Polyakov, M.N. Priyomyшева, N.A. Prokofieva, L.V. Raciburskaya, Yu.C. Riedetskaya, A. Romanic, B.D. Chernyak, E.A. Shcheglova, S. Yanuric/ Ed. Board: E.C. Gromenko, N.V. Kozlovskaya, A.C. Pavlova, M.N. Priemysheva (ed.), Y.S. Ridetskaya / Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences / St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. 2021

Rusvectors a: Semantic models for Russian language. URL: <https://rusvectors.org>. Accessed: 2024–03–10.

Rusvectors b: Text pre-processing tutorial. URL: https://github.com/akutuzov/webvectors/blob/master/preprocessing/rusvectors_tutorial.ipynb. Accessed: 2024–03–10.

Slovar' russkogo jazyka koronavirusnoj epohi [Dictionary of the Russian Language of the Coronavirus Era]. Authors: E.C. Gromenko, A. Yu. Kozhevnikov, N.V. Kozlovskaya, N.A. Cozulina, C.D. V.M. Mokienko, A.C. Pavlova, M.N. Priemysheva, Yu.C. Riedetskaya E.C. Gromenko, A.C. Pavlova, M.N. Priemysheva (red.). S. St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. 2021

Susov I.P. *Istorija jazykoznanija: Uchebnoe posobie dlja ctudentov starshih kursov i aspirantov [History of Linguistics: A Textbook for Senior Students and Graduate Students]*. Tver: Tver State University. 1999